

Действие первое.

Отодвигается занавес

(бамбуковый в коридоре)

Сцена изображает комнату Филатова. Из предметов роскоши имеется некая шкура, брошенная на кресло. В остальном декорация вполне по средствам театру-студии.

Л. Ф. (закуривая «Яву»). Вызывает антирес ваш технический прогресс: как берете интервью вы — с диктофоном или без?

Д. Б. Без!

Л. Ф. Предупреждаю: все репризы, пародии на «Федота» и т. п. вам придется придумывать за меня. Я урюм и тугоум.

Д. Б. В незабвенном «Экипаже», принесшем вам славу, вас, Леонид, Саша Яковлева спрашивала в постели: «И за что тебя бабы любят?!» Позвольте тот же вопрос, только на «вы».

Л. Ф. Ну, знаете, какова страна — таковы и ее герои. Я в жизни не числил себя ничьей сексуальной грезой. Какая из меня, правда, секс-бомба? Я не на всяком пляже-то раздевался до этого, а тут — первый в нашем кино голый кадр, хоть и рыбка на первом плане. Это сейчас мы уже вот так вот (вытягивает шею) рассмотрели, какие бывают голые женщины и даже мужчины, а тогда-то об этом никто не догадывался! Первый постельный разговор... Думаю, за то и полюбили, что первый.

Кино — это буквально опрокидывающее с копыт впечатление, когда видишь свое лицо два на три метра; ни в зеркале, ни на фото оно не кажется таким идиотским, фальшивым... Я все думал, неужели этот урод, и моральный тоже, может нравиться? Оказывается, еще как! Мало того, что все светофоры поразвничивали на цветомузыку, — письма шли потоком, девушки слали фотографии усатых любимых и спрашивали: «Не правда ли,

Фото Владимира Чейшвици

Действие второе.

Сцена на балконе. Открывается вид на..... улицу (вычеркнуто,

чтобы предупредить

паломничество поклонниц).

Виден роскошный «мерседес»,

не имеющий к Филатову никакого

отношения.

Л. Ф. Вызывает антирес ваш издательский процесс. То, что я скажу для прессы, — не зазмет цензурный пресс?

Д. Б. (растерянно). Иес...

Л. Ф. Чернобыль — вот символ. Когда весь мир содрогнулся, кроме нас. Мы единственная страна, до сих пор не похоронившая своих мертвых, с войны лежат непогребенными останки... Мы, может быть, потому и прокляты, что души эти носятся среди нас, досаждают нам — без погребения тела душа не успокаивается. А насчет метафоры — мне вспоминается, как я ездил к сыну в часть (он только что из армии вернулся, из-под Калинина). Мы едем к нему на машине, причем дорога такая, что на каждом подъеме и спуске машина встает на попу (показывает). И тут, среди полной распутицы, грязи и всего, что можно, — видим лимузин. Весь в грязи, но настоящий, и в нем — мурло партийного босса, вот такая будка (показывает), с «волной» — они все тогда так начесывали. Шофер, видимо, побежал на соседний огород огурчиков подтирить. А напротив лимузина старушка сидит. Уж такая типичная — сухая, маленькая, платочек темный, глазки линялые... И так они с этим, с будочником, сидят и неотрывно смотрят друг на друга. Вам нужна другая метафора?

Д. Б. А когда вы в последний раз по-настоящему боялись? Не обязательно — системы. Можно привидения.

Л. Ф. Устал я, знаете, бояться. Не могу все время трястись — главным образом за близких — только потому, что живу здесь. Уже вместо страха другое чувство — безразличия, что ли. Гигантская страна в тотальной распущенности, расслаблении. Что все плохо — это не повод бездельничать. Всегда было плохо. Как-то так перестали требовать с себя даже тот минимум, который спрашивали раньше. И на этом фоне — фашизм. Причем среди правых есть небездарные люди, что всего печальнее.

Д. Б. Так и уехали бы! У вас не было мысли — ТУДА?

Л. Ф. Ни разу. Я никого не осуждаю из уехавших, но собственный отъезд... Другое дело, что я человек недовольный, и это мое право, если не обязанность. Не терплю, когда какой-нибудь сытенский на меня смотрит и говорит: «Что, недоволен? Туда тебе и дорога, мотай отсюда!» Типа: ты, мол, вредный элемент, на тебя есть документ... Я бы всех этих довольных поместил в резервацию. У нас земли немарьяны — выделил бы им где-нибудь в Сибири плодородный кусок, огородил как следует, расселил потеснее — и давайте, ребята, стройте свое общество и радуйтесь. А мы, недовольные, останемся тут и попробуем по-своему. Без вас. Уезжает кто-то — какие могут быть претензии?! А у нас: «Продают родину, продают родину!». Один умный человек мне вообще как-то сказал, что такой родине, как наша, быть не может. Родина — локальное понятие. Так еще может восприниматься маленькая страна...

Д. Б. (мечтательно улыбаясь). Княжество Монако...
Л. Ф. Или даже больше, но, во всяком случае, она должна помещаться в голове. Меня, допустим, родили в Казани, на Волге, транзитом, но рос я в Ашхабаде, там — родина... Теперь — в Москве... Комплекс родных, детских или каких угодно привычек и воспоминаний. Но эта неоглядная, из разных земель составленная машина?..

Действие третье.

Декорация первого действия. Те же.

Курят в мрачной задумчивости.

Д. Б. Вызывает антирес и такой еще разрез: кто вам ближе — неформалы или все ж КПСС?
Л. Ф. Наш чудесный Сергей Аверинцев сказал: нам свойственна какая-то кружковость сознания. Я бы уточнил: мафиинность. У нас все объединяются в партии, кружки... Испокон веку. В цивилизованных странах человек один. А у нас... Партия меж тем слушает да ест. Все эти организации, конечно, еще не таковы, чтобы с ними считаться, но их ведь и на будущее не берут в расчет. Вон министр обороны поздравляет нас — жалаю вам, стало быть, дорогие друзья, счастья, здоровья и выполнять решения партии. Ребята, какой партии?!

Д. Б. (прерывая молчание). Вы так нестандартно и масштабно мыслите — не считите за подхалимаж... У вас не возникло желания уйти в литературу?
Л. Ф. А кто меня там ждет? Это ж не в другую комнату уйти! У нас пишущая страна, она, кажется, не жаждет моего слова — и потом, хороших поэтов у нас в отличие от всего остального и так достаточно.

Д. Б. Кто вам нравится?

Действующие лица:

Леонид ФИЛАТОВ, актер театра и кино, зюэт, пародист.

По зодиаку — козерог, в стрельцы опоздал всего на три дня (представляет, какой заголовок он мне обломал!

«Про Филатова-стрельца, удалого молодца, звучит куда лучше, чем какое-нибудь

«Про Филата-козерога, у кого поклонниц много»). Выше среднего роста, поджар, одет в шерстяной свитер и серые брюки.

Очень похож на себя. Те же рыжие усы, тот же неповторимой формы волчий нос, горбатый и приплюснутый одновременно...

Дмитрий БЫКОВ, корреспондент. Про этого пока больше ничего.

похож на вас?». Никого не хочу обидеть, но это действительно страна дураков.

Л. Ф. Вы вообще кино разлюбили? Д. Б. Я человек скорее театралный. Театр — живое дело, там все как-то меняется, передельвается, а в кино режиссер единолично решил, рассчитал, снял — должно быть смешно, а... (показывает фигу). И не переделься. Уже на века. И потом: вот у Сокурова в «Московской элегии» камера 10 минут наезжает на Ельцину — что я, должен на десятой минуте пустить слезу? Почему десять, почему не восемь с половиной? Чтобы на часть хватило, да? Нет, я театр люблю. И причем не за роли, не в них дело. Для меня театр — прежде всего Дом. Дружеский, благородный, где мне сделали первые прививки нетерпимости к дряни. На уровне рефлекса.

Д. Б. Вы на Таганке примерно с... Л. Ф. Не примерно, а точно. С шестидесяти девятого. И до сих пор, с перерывом на два года.

Д. Б. (мнется, но наконец решает). Вы тогда... от Эфроса ушли? Л. Ф. Эфрос был гений, кумир нашей юности. Его приход в театр был его трагедией. Я ушел не от него, а из безлюбимовского театра.

Д. Б. А как вы оцениваете любимовский отъезд? Л. Ф. (пожимая плечами). Как поступок взрослого человека. Его право. Тем более как было? К нему на лондонскую премьеру «Преступления и наказания» пришли сотрудники посольства, которым затем показалось, что он недостаточно внимания им уделит. Иностранцы же кругом, звезды... И кто-то из наших ему сказал: «Ну вот, Юрий Петрович, было преступление, а в Москве последует наказание». А Любимов — человек молодой, тоже нервный — подозвал переводчика и попросил повторить. Утром интервью в газетах. Ну и завертелось...

Д. Б. Вам не кажется, что Таганка в глубоком кризисе, формы устарели, фронда не спасает, все держит репутация? Л. Ф. Отчасти кажется. Вся мировая культура в кризисе. Как частный случай — театр. И уж как самый частный — Таганка. От чего это зависит, я не знаю. То ли от политики. То ли от звезд.

И вообще. Начнется вот рыночная экономика, все такое... Выхода, я по-

нимаю, нет. Но кому тогда будет нужна культура, уже и сейчас никому не нужная? (Встает, прохаживается.) Д. Б. (робко). Может, сделаем веселое интервью без политики, без всего этого... (замялся).

Л. Ф. Но куда ж мы денемся? Все политизированы донельзя — и вы, и я! Тяжесть висит в воздухе, тяжесть, а чем разразится — не знаю, но, во всяком случае, ничем хорошим. Появление чумаков, кашпировских, тарелок — целыми сервизами — все это знаки, которые раскиданы щедро. Стр-ремительное одичание народа. А еще плюс рынок — вы можете себе представить разгул безработицы в стране, где никто не работает? Преступность будет — Запад обзавидуется.

У нас и так-то страна Лимония, и среди этого чумного пира гуляют любопытствующие иностранцы! А мы эту жизнь эстетизируем, ставим чернуху... Вообще ретроградом становишься на глазах: все кричали, чтобы отменили цензуру. Ну и отменили. А сейчас по ней ностальгия, ибо ни вкуса, ни сдерживающих центров у людей нет. Что пишут, что поют! — безоглядность, отвага какая-то, будто мы не страна Тютчева, допустим... Такого количества идиотов в единицу времени, которое я вижу на советском ТВ, вообще не бывает. Пошлости море. В кино какие-то потаскушки, опять же эстетизированные, хотя на самом деле умных и обаятельных путаночек на всю Москву пара-тройка, а остальные — лахудры, которым помыться некогда, потому что за ночь надо обслужить 20 человек, а клиент в ванную не пускает — боится, что мыльце украдут. Вот это бы снять — вот человеческая комедия! Куда нам, на самом деле, эстетизироваться, когда, бывает, труп по три года в квартире лежит, а сосед случайно его обнаруживает.

Пауза. Обоих подташничивает. Д. Б. (прокашлявшись.) Попробуйте придумать метафору нашей, так сказать, жизни. Такую, чтоб все — как в капле воды...

Л. Ф. Тут довольно богатый выбор ситуаций, но одну сейчас расскажу — по-моему, довольно показательно... Входит жена Филатова. Эта комната нужна ей.

Л. Ф. и Д. Б. перемещаются на балкон.

Балкон с видом на ЛИМОННИЮ

Бегство от политики в 3-х действиях

Л. Ф. (закуривая «Яву»). Вызывает антирес ваш технический прогресс: как берете интервью вы — с диктофоном или без? Д. Б. Без! Л. Ф. Предупреждаю: все репризы, пародии на «Федота» и т. п. вам придется придумывать за меня. Я урюм и тугоум. Д. Б. В незабвенном «Экипаже», принесшем вам славу, вас, Леонид, Саша Яковлева спрашивала в постели: «И за что тебя бабы любят?!» Позвольте тот же вопрос, только на «вы». Л. Ф. Ну, знаете, какова страна — таковы и ее герои. Я в жизни не числил себя ничьей сексуальной грезой. Какая из меня, правда, секс-бомба? Я не на всяком пляже-то раздевался до этого, а тут — первый в нашем кино голый кадр, хоть и рыбка на первом плане. Это сейчас мы уже вот так вот (вытягивает шею) рассмотрели, какие бывают голые женщины и даже мужчины, а тогда-то об этом никто не догадывался! Первый постельный разговор... Думаю, за то и полюбили, что первый. Кино — это буквально опрокидывающее с копыт впечатление, когда видишь свое лицо два на три метра; ни в зеркале, ни на фото оно не кажется таким идиотским, фальшивым... Я все думал, неужели этот урод, и моральный тоже, может нравиться? Оказывается, еще как! Мало того, что все светофоры поразвничивали на цветомузыку, — письма шли потоком, девушки слали фотографии усатых любимых и спрашивали: «Не правда ли,

Л. Ф. Кушнер, Чухонцев, Бродский... Юрий Кузнецов, хотя я не разделяю его убеждений. Алексей Дидуруг — чудесный поэт московский, мой друг... А я пишу в порядке забавы. Вот и с «Федотом»: Высоцкий сочинял песенки для фильма-сказки на Одесской студии, все не успевал, предложил поделить. А там нянька была по сюжету — этакий левый элемент под боком у правительства, подкалывает царя, а он тоже добродушный такой тупица, пугает больше! «Вот возьму да и сказно на досуге! И за это ничего мне не будет: печалится народ и забудет!» Мне эта формула власти тогда понравилась: «И за это ничаво мне не будет!» Ну а потом как-то наш режиссер Саня Вилькин приносит мне инсценировку афанасьевской сказки про Федота, тоже чтоб я песни написал. А мне понравилось, я говорю: нет, сам эту сказочку раздракноу. И написал в первый же вечер такую махрявую сценку — как раз про «Иес», с послем. И пошло, напридумывал чего-то в кухне, под нажимом родных и друзей дописал ее — и она ко времени оказалась... Вообще я сейчас даже книжку стихов издаю, наскреб по сусекам — чуть не с семнадцати лет... Д. Б. У вас было стихотворение о том, как герой в 37 лет осознал, что он не гений, и мир не переворачивается. А вы? Л. Ф. Нет, я не такой дурак. Я это понял лет в 18. И без трагедий. Но вообще нам не дано знать степень своего избранничества.

Д. Б. Но вы хотя бы реализовались? Л. Ф. Нет, конечно, а кто это может о себе сказать? — я ведь жив еще... Да и в чем реализовался? О театре и литературе я уже говорил... А насчет кино — кто-нибудь спросит лет через двадцать: «Ты кто такой?» — «А реализовался! Видишь, вон — бегу, стреляю, девки кругом голые»... Кто нас вспомнит! Это все амортизируется, прокручивается очень быстро. Хотя сейчас вот я сам фильм снимаю, по своему сценарию... «Сукины дети».

Д. Б. А говорите — не реализовались! И сценарий, и постановка, и роль небось... Л. Ф. Чтобы избежать намека на таганскую ситуацию, я туда никого с Таганки не пригласил, кроме себя и жены, потому что мне как автору можно не платить. Смету берегу. А фильм — о том, как актеры забаррикадировались в театре в знак протеста. Утопия такая — как, по-моему, нам всем бы следовало в некоторый момент себя вести...

Д. Б. А с кем бы вы сейчас забаррикадировались? Л. Ф. Как ни странно, со многими. Я друзьями не обделен. Сейчас все было бы настолько страшнее... А заперся бы с Боровским, с Валерой Золотухиным, Смеховым, Таней Жуковой, Машей Полицеймако... С женой, естественно.

Д. Б. Вы пишете, снимаете, снимаетесь, играете в театре. А когда отдыхаете? Л. Ф. Когда пишу, снимаю, снимаюсь, играю в театре. Устаю я в очередях и транспорте. Я человек общественный. Слушать вечность где-нибудь за городом я могу не дольше трех минут. И перспективу тоже вижу небольшую. Я быстро живу.

Д. Б. А отдачу от этой сумасшедшей жизни вы видите? Л. Ф. В смысле от кого? Д. Б. От народа, а точнее — от аудитории.

Л. Ф. Именно это точнее, потому что народа нет. Это такое понятие... Вот бабка и партиец в лимузине — оба народ и оба, увы, типичны. А мы: народ!!! — и все упали на колени. Я не такой. Я считаю, что подкалываться не следует. Пушкин, правда, сказал: искренним быть физически невозможно, можно не врать. А люди благодарны, когда им не врут, и они чувствуют это. Мы все хужаем на глазах, но надо хоть не фальшивить...

Д. Б. (быстро). Если вы не врете, тогда как вы относитесь к журналистам? Л. Ф. (задумчиво). Ну, как... хорошо отношусь. Я сам в Ашхабаде начинал как журналист — меня ребята из газеты прикомрили. Журналисты сейчас делают страшно много полезного, чуть не больше всех. И за совсем маленькие деньги.

Д. Б. Леонид, вы отчасти коллега — о чем вы спросите Филатова? Л. Ф. Ну, чего-нибудь желтенькое... жареное... Вам что, неинтересно, кто моя жена? Таганская актриса Нина Шацкая. Это мой второй брак, самый продолжительный роман, продолжающийся до сих пор. Дачи нет...

Д. Б. Что в вас изменилось за последние 10—15 лет? Л. Ф. Да... такая динамика в сторону могилы. Я все менее привлекателен для женщин. Долго жил безвекторно, и вообще — если бы молодость знала, если бы старость могла... Хотя тогда старики на меня обзлятся: вон, сорок три года ему, а как разглаголетует! Что ж, мы вообще тогда не живем? Так что — живем.

Д. Б. А расскажите ваш любимый анекдот! Л. Ф. Да что я вам, Шекспир, что ли, чтобы во мне высокое и комическое сочеталось? Я вам о таких серьезных вещах, а вы — анекдот! «И он ее берет и рраз!» Хотя... дословную запись гарантируюте?

Д. Б. (подумав). Нет. Смеются. Д. Б. (воодушевлен). Вот видите! Можете, выходит, еще хорошо почитать, побеседовать на разные темы в нашем тотальном мраке... Посмеяться, пообщаться. Что, плохо? Л. Ф. (безмолвствует.)

Занавес.